

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна
Ольховская

Страшнее
пистолета

Криминальный пасьянс Ланы Красич

Анна Ольховская
Страшнее пистолета

«Соболева Анна Николаевна»

2010

Ольховская А.

Страшнее пистолета / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2010 — (Криминальный пасьянс Ланы Красич)

ISBN 978-5-699-42822-9

Бизнесмен Кирилл Витке знакомится с Маней – сестрой криминального воротилы Скипина. Неуклюжая и свирепая, как бегемот, Маня обезоружена, очарована, влюблена, но... без взаимности. Ну что ж, кто и пожалеет об этом, так только насмешливый красавчик Кирилл! С помощью братца и его продукции – косметики, вызывающей привыкание, – мадемуазель Скипина уродует опального возлюбленного. Кирилл приходит в себя в больнице, где узнает, что с Маней заодно действовал его брат Аристарх, мечтающий сместить Кирилла с поста главы фирмы. И на кого теперь надеяться, с чего начать? Во-первых, вспомнить, кто здесь кто, а во-вторых, взять ситуацию в собственные руки!..

ISBN 978-5-699-42822-9

© Ольховская А., 2010

© Соболева Анна Николаевна, 2010

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Ольховская

Страшнее пистолета

Часть I

Глава 1

А вот перед вами, друзья, картина Ивана Ивановича Шишкина «Утро в сосновом лесу». Видите эти могучие сосны, пронизанные солнечным светом, одна сосна упала, то ли от старости, а может, после грозы. Веселые медвежата...

Минуточку! Почему вместо медвежат на поваленном дереве дрыхнет на пузе, свесив лапы по обе стороны ствола, здоровенный пес с обрезанными почти до корня ушами и хвостом? Почему повалено одно дерево, тогда как у Ивана Ивановича их валяется больше?! И вообще, что делает в этом сосновом лесу непонятная халабуда, обнесенная плетнем?! Что за наплевательское отношение к классике живописи!!!

Да ладно вам придирайтесь-то! Лепота с благолепием присутствуют? Присутствуют. Высоченные сосны есть? Есть. Солнечные зайцы в хвое скачут? Скачут. Если верить солнцу, сейчас ведь утро? Утро.

Ну и чего привязались? В конце концов, это мое утро в сосновом лесу, а не Ивана Ивановича Шишкина. А в, как вы изволили выразиться, халабуде я живу. И меня она устраивает. Как и моего алабая. Что делает среднеазиатская овчарка на дереве? Спит. Тимофей любит изображать белку-мутанта.

Кирилл закончил выполнять комплекс разминочных упражнений и приступил к избиванию ни в чем не повинного столба. Даже тщательно обмотанная вокруг бедолаги старая телогрейка не спасала столб от синяков и ушибов.

Пес, услышав глухие звуки ударов, лениво открыл сначала левый глаз, потом, подумав, правый. Попробовал потянуться, не слезая со ствола, само собой, ничего не получилось, и Тимка с шумом плюхнулся в траву. Каждый раз повторялось одно и то же, и каждый раз алабай надеялся, что уж теперь-то получится.

Так, как там дела у хозяина? Пинает дерево ногами? Значит, скоро заветный час Х – кормление самого голодного в мире пса.

Тимка сгреб лапы в кучу и враскачку, словно моряк после длительного плавания, направился через распахнутую калитку во двор. Спешить не имело смысла, потому что хозяин сначала подойдет к бочке, зачерпнет оттуда ведро хрустально-чистой воды и выльет ее на голову. Себе, к счастью, а не алабаю, иначе Тимка ни за что бы не подошел близко. Он утренний душ не любил. Впрочем, вечерний тоже. Да и к купанию в целом относился резко отрицательно. Генетика, против нее не попрешь. Где вы видели в Средней Азии обилие воды?

После импровизированного душа хозяин докрасна разотрет торс полотенцем, заварит на обустроенной во дворе печурке на редкость вонючий (по мнению Тимофея) травяной чай, морщась, выпьет его, и только потом можно ожидать появление заветного чугунка с аппетитно пахнувшей потрошками кашей.

– Дружище, из-за твоих слюней наш двор никогда от луж не просохнет! – усмехнулся Кирилл. – Держи себя в лапах, ты же представитель Средней Азии, по твоей морде никто не должен догадываться о твоих чувствах и эмоциях!

Поняв, что время X вот-вот наступит на кончик вываленного почти до земли языка, Тимка тоненько, по-щенячьи, вякнул и подпрыгнул от нетерпения. Земля под ногами Кирилла ощутимо вздрогнула.

– Тише ты, слоняра! – проворчал он, направляясь в дом за кашей.

Именно дом, а не халабуда, как обзывались тут некоторые. И пусть сложен он больше ста лет назад, но потемневшие от времени бревна были еще вполне крепкими, а крышу Кирилл перекрыл сразу же, как только достаточно окреп.

Почему человек, построивший когда-то этот дом, забрался в самую глухую глушь, что заставило его скрыться от людей так, чтобы никто никогда не нарушил его уединения, – Кирилл не знал. Да ему, если честно, это было безразлично.

Как и то, что он слабо себе представлял, где точно находится его новое место жительства. Часах в двух-трех езды от Москвы, где-то в Нижегородской области. Почти аналогично двум лаптям левее солнца.

Но это Кирилла волновало меньше всего. Возвращаться в цивилизованный мир он не собирался, ему туда нельзя.

Потому что один мерзкий одышливый, похожий на перекормленную жабу-мутанта толстяк вместе со своей сестрицей раз и навсегда испоганили жизнь потомка старинного дворянского рода Кирилла Витке. Преуспевающего бизнесмена, получившего великолепное образование и обладавшего уникальной деловой интуицией.

И никто не удивился, когда пост главы финансовой группы «Монблан» занял именно он, а не его старший брат Аристарх. Брат воспринял выбор отца спокойно, прекрасно понимая, что не обладает талантами младшенького. Аристарх был хорошим администратором, но и только.

После смерти отца братья Витке вполне успешно делали «Монблан» все выше. И крепче. Дела шли все успешнее, Кирилл верил Арику как себе, и старший ни разу не подвел.

Пока проездом из Парижа в светскую тусовку Москвы носорогом в стразах не ворвалась Мария Борисовна Скипина, сводная сестра Виктора Борисовича Скипина, главы корпорации «Скиф».

Правда, как потом выяснилось, «Скиф» был только видимой частью айсберга, легальным бизнесом, прикрывавшим скрытую в мрачной бездонной глубине гору криминала, главной составляющей частью которого были боль и запредельный ужас¹.

За бешеные деньги превращая женщин в жутких уродин, Скипин сотоварищи за еще большие деньги излечивали их и делали постоянными донорами денежных знаков. Иногда вылечить не получалось, и несчастные умирали в страшных мучениях.

Но все это Кирилл узнал гораздо позже, когда очутился в доме Виктора Борисовича Скипина в качестве повара-гувернера-секретаря. Перед этим добровольно подписав все бумаги, передающие руководство «Монбланом» брату, Аристарху Витке.

Потому что нельзя быть на свете красивым таким.

Да, Кирилл Витке не так давно считался одним из самых лакомых кусочков брачного торта Москвы. Мало того что богатый, умный и успешный, сделавший к тридцати годам фантастическую карьеру, так еще и чертовски привлекательный! Высокий, стройный, обладатель вкрадчивой грации хищного зверя, гривы роскошных черных волос, шоколадно-карих глаз, один лишь взгляд которых заставлял женские (и не только) сердца учащенно биться – на Кирилла давно уже была объявлена охота светских львиц.

Но заманить в капкан брака эту дичь не получалось. Дичь иногда съедала приманку, выбирая кусочки повкуснее, отчего же не воспользоваться оказией, и на этом, собственно, все. Затащить господина Витке во Дворец бракосочетания не удавалось никому.

¹ См. книгу Анны Ольховской «Поцелуй кактуса».

И вовсе не потому, что Кирилл вообще не хотел жениться, собираясь всю жизнь кобелировать, нет. Он хотел очень, но только по любви. Как бы смешно и глупо это ни звучало в наше время.

А пока изредка лакомился вкусными приманками.

К которым при самом большом желании нельзя было отнести подгнивший, много раз пожеванный разными самцами кусок, именуемый Маня. Мария Борисовна Скипина, тот еще фруктик.

Никто не мог понять, чем занималась Манюня в оплачиваемой братом Сорбонне, в этой кузнице европейских гуманитариев, целых шесть лет. Ее даже нельзя было заподозрить в старательном постижении искусства любви. Как минимум плотской.

Маня Скипина была и осталась хабалкой.

Кирилл не знал точного значения данного эпитета, но именно это слово пружинистым чертиком выпрыгивало в его сознании, когда на горизонте появлялась квадратная фигура мадам Скипиной.

В отличие от жабоподобного старшего братца (очень сильно старшего, разница в возрасте была на уровне отец-дочь: двадцать два года), тошнотворно-безобразной Маню никто бы не назвал.

Особенно после полутора часов, проведенных ею перед зеркалом с использованием впечатляющего арсенала декоративной косметики известнейших брендов, в результате чего бесцветная поросычья мордочка Манюни становилась вполне симпатичной.

Но что было делать с монументальным торсом, один вид которого вызывал у модельеров с тонкой душевной организацией истерический ступор? Бедняги не могли найти хотя бы три отличия между передом и, гм, задом мадмуазель Скипиной. И там, и там широко, плоско и одновременно мясисто. И непонятно, где талия, да и есть ли она вообще.

А еще – широкая тяжелая кость, длинные редкие волосы, которые Маня упорно красила в «платиновый блонд», подчеркивавшие несуразность фигуры ступни сорокового размера и крупные мужские ладони с короткими пальцами. Ничего не забыли? А, да, смех, похожий на лошадиное ржание, манеры и слог портового грузчика. В общем, не заметить мадмуазель Скипину было сложно. Особенно если добавить к облику, подаренному природой (или все же родителями?), полное отсутствие вкуса.

В номинации «Фрик года» Манюня была бы вне конкуренции.

Обилие блесков, пайеток и, само собой, стразов превышало предельно допустимую концентрацию ровно в десять раз. Вероятно, в прошлой жизни мадмуазель была сорокой.

О том, что девушка предпочитала кислотно-яркие цвета, не стоит и упоминать.

В целом облик Марии Борисовны Скипиной вызывал у адекватных людей морскую болезнь. Тошнило очень. Особо впечатлительные перевешивались за борт.

И надо же было Кириллу Витке, старательно избегавшему гламурные сборища, поддаться на уговоры старшего брата, гарантировавшего несколько полезных для бизнеса встреч, и пойти вместе с ним на открытие персональной выставки модного художника!

Глава 2

К тому же художник оказался из породы авангардистов, творчества которых Кирилл не понимал и восторгов публики в их отношении не разделял.

Кому он всегда мысленно аплодировал, так это Казимиру Малевичу. Гениальный был пиарщик! Кирилл с удовольствием взял бы его руководителем PR-службы «Монблана», живи господин Малевич с ним в одно время. Человек, который заставил весь мир поверить, что «Черный квадрат» – это круто, сделал бы из фирмы национальное достояние, гордость России.

Кирилл совершенно не опасался выглядеть полным профаном в высоком искусстве, и заставить его увидеть в хаотичном смешении разноцветных загогулин «Рождение Вселенной» не смог даже автор шедевра, тот самый модный художник Эдгар Черепашки.

Потому что омерзительно мужественный красавчик с холеной трехдневной щетиной при знакомстве с ним, Самим Эдгаром Черепашки, посмел совершенно по-хамски хрюкнуть и переспросить:

– Простите, как? Черепашкин?

– Че-ре-паш-ки, – по слогам процедило существо неопределенного возраста и пола: голос вроде мужской, лысина просвечивается сквозь спутанные немытые космы, но в то же время – рыхлое бабье тело и впечатляющие сиси. – Мой отец родом из Калабрии.

– Так вы итальянец? – с трудом сдерживая рвущийся наружу смех, уточнил Кирилл.

– Наполовину. Мама у меня из старинного шляхетского рода Бубенек.

– Кого? – Все, больше не могу, сейчас начну ржать во весь голос.

– Бубеньки. Польская шляхта, – терпеливо объяснила бизнес-дубине творческая личность.

– Ага, – только и смогла выдавить дубина. – Знаете, я неоднократно бывал в Италии по делам бизнеса, но никогда не слышал там такой фамилии.

– Кирилл, – решил наконец вмешаться старший брат, – думаю, ты вряд ли слышал все варианты фамилий наших соотечественников.

– Это точно. – Младший ловко цапнул с проносимого официантом подноса бокал с шампанским. – Эдгар, а что означают вот эти каляки-маляки?

Аристарх поперхнулся своим шампанским, а синьор Черепашки на какое-то время потерял дар речи от возмущения.

Потерянный дар не собирался валяться на полу слишком долго – так могут и растоптать достоинство – и довольно шустро пополз обратно.

Чтобы выплеснуться на хама в смокинге попыткой хоть немного посвятить вышеназванного хама в тонкости абстрактной живописи.

Шум, взвихрившийся в противоположном конце арт-галереи, привлек внимание Эдгара Черепашки, и он, прервав лекцию на междометии, поспешил к эпицентру скандала.

Братья Витке, облегченно вздохнув, медленно двинулись следом.

Если бы можно было вернуться в тот день, Кирилл лучше вывалился бы из окна и переломал себе ноги. Или ввязался в драку с кем-нибудь вздорным. Да хоть с тем же Прокопием Винтороговым, рычащим недоразумением, когда-то снявшимся в паре-тройке фильмов, а теперь за отсутствием интереса к своей персоне подманивающим этот интерес скандальными выходками. Закончил ожидаемо – в ИТК общего режима. А тогда Прокоша еще был на свободе и посещал все светские мероприятия, куда удавалось просочиться. Достаточно было в присутствии Винторогова пренебрежительно отозваться об отечественном производителе, и радатель за Русь-матушку немедленно нарывался на скандал и, как следствие, на кулак.

Что угодно – драка, переломы, милиция – лишь бы не встречаться с Маней Скипиной. И остаться в той, успешной жизни, где он верил брату, как себе. А впереди была счастливая жизнь, семья, дети...

Воскресный сладкий сон
И утренняя нежность,
Возня с собакой
На заснеженном дворе.
И три цепочки следа
Дарят безмятежность,
Играя в прятки
В набегающей волне.
Что было бы,
Если бы случилось так?

Но от этого всего осталась только возня с собакой. Потому что только собака способна беззаветно любить его такого. Мало похожего на человека...

Когда братья Витке прибыли к месту происшествия, инцидент исчерпанным не был. Наоборот, он, инцидент, только начерпывался.

Пунцовый от ярости Эдгар Черепашки тыкал пальцем в валявшуюся на полу картину и верещал:

– Нет уж, милочка, теперь вы обязаны ее купить! Вы безнадежно испортили произведение искусства!

– От...бись, – лениво отмахнулась квадратная девица с реденькими платиновыми волосенками, подстриженными ровным каре. – Что там портить? Как была фигня, так фигней и осталась. Только теперь это фигня с дыркой, как бублик. По-моему, так даже прикольней! Я случайно ее проткнула, хотела прилипшую хрень соскоблить, а ногти вон какие, – короткие толстые пальцы украшали алые клинки, – твоя тряпка бумс – и насквозь. А упала она нечаянно, я от неожиданности уронила. Не фиг так плохо вешать.

– Охрана! – завибрировал от злости художник. – Вызовите охрану!

– И что? – девица нагло ухмыльнулась и сложила руки на совершенно плоской груди. – Бить будете?

– Нет. – Голос у синьора Черепашки иссяк, осталось только шипение, как в пересохшем кране. – Охрана проследит, чтобы вы не сбежали, пока подъедет милиция. Потом составим протокол о намеренной порче имущества, свидетелей больше чем достаточно. К примеру, руководство финансовой группы «Монблан» в полном составе, господ Витке.

Мощная девица, пренебрежительно фыркнув, сфокусировала взгляд на озвученных господах.

И внезапно к ней в гости заглянула метаморфоза, сдернув с физиономии маску наглой хабалки и нацепив что-то приторно-слащавое.

– Ой, ну ладно вам! – жеманно хихикнула скандалистка, переходя вдруг на «вы». – Чего привязались к слабой девушке!

– К слабой?! – захлебнулся от возмущения маэстро кисти. – Вы ничего не путаете?

– Вы... Вы намекаете на мою комплекцию? – старательно задрожала губами девица. – Я же не виновата, что такой родилась! – показательно-глубокий шмыг носом, перенасыщенная аляповатыми кольцами рука потянулась к глазам, но, наткнувшись на три килограмма косметики, быстренько вернулась на исходную позицию. За спину. – Да куплю я вашу дурацкую картину, куплю, успокойтесь! Сколько она стоит?

Черепашки покосился на собравшихся вокруг посетителей выставки и, подхватив «виновницу торжества» под внушительный локоток, отвел даму в сторонку и что-то зашептал ей на ухо.

Собравшиеся разбрелись по галерее, дабы снова и снова нырять в высокое искусство по самые... самую маковку.

А потом появились обещанные Аристархом полезные знакомства, и Кирилл забыл о забавном происшествии, равно как и о несуразной девице.

А вот она о поразившем ее в самое сердце (или все же в печень?) красавчике не забыла. И, узнав от брата, что Кирилл Витке узами брака не обременен, с целеустремленностью возбужденной слонихи ломанулась на охоту за вожаком дичью.

И пусть обычно в природе слонихи за дичью не охотятся, но когда Маня чего-то хотела, слово «обычно» следовало исключить из лексикона. Как, впрочем, и адекватность с нормальностью.

А Кирилла она не просто хотела – мадмуазель Скипина совсем свихнулась, желая заполучить красавчика в законные мужья. Себе, разумеется.

Сорвавшейся с крыши гигантской сосулькой эта девица вонзилась в устоявшуюся жизнь мужчины, искорежив и изуродовав эту жизнь до неузнаваемости.

Правда, изуродованной оказалась не только жизнь...

Буквально через два дня после выставки один из деловых партнеров пригласил Кирилла на деловой ужин. В ресторане, где ужинали партнеры – вот неожиданность! – за соседним столиком оказались Мария Борисовна и Виктор Борисович Скипины, хорошие знакомые делового партнера.

Само собой, господа и дама были взаимно представлены друг другу, после чего ужин продолжился за общим столом.

И спокойной жизни Кирилла пришел громоздкий, крашенный в «платиновый блонд» конец.

Мадмуазель Скипина поначалу инсценировала «случайные» встречи, довольно неуклюже разыгрывая смущение. Но Кириллу удавалось довольно вежливо избавляться от обузы, поскольку способная смущаться дама, дабы не выпасть из образа, должна послушно идти в пень, когда ее об этом культурно просят.

И тогда Маня сменила тактику. Вернее, сбросила с себя тесную и жмущую в подмышках шкурку трепетной лани и стала самой собой.

Нет, не коровой. И не наглой броненосихой. И даже не упертой носорожихой.

Мария Борисовна Скипина была гиеной. И не только из-за несуразной фигуры, но и по сути – гнилой и хищной.

После того как Маня пошла на вожака мужчину в лобовую атаку, Кирилл какое-то время еще пытался оставаться джентльменом.

Но очень трудно им, джентльменом, оставаться, когда поздно вечером, вымотанный до предела после очень трудного дня, ты возвращаешься в свою просторную холостяцкую квартиру, предвкушая приготовленный домработницей вкусный ужин, теплую расслабляющую ванну и блаженный сон, а вместо этого обнаруживаешь наполовину съеденный ужин, а в кресле перед телевизором одетую лишь в твою любимую рубашку рыхлую деваху.

Которая, потягивая из бокала твой любимый коньяк, эротично (по мнению девахи) гундосит:

– Ну, где же ты так долго ходил, милый? Я с ума схожу от страсти!

И выполняет трюк Шарон Стоун из «Основного инстинкта» целлюлитными, неопрятно побритыми ногами.

Кирилл молча, не обращая внимания на вопли и рыдания, выволок Манюню за волосы из квартиры, пошвырял следом ее тряпки и сумку, после чего кратко, пусть и не совсем цензурно, обрисовал собственное видение перспективы развития их отношений.

Которое заключалось в полной бесперспективности в связи с отсутствием оных. Оные – это отношения.

Говорят, от любви до ненависти один шаг. В Манином случае это оказалась сотая доля шага.

Почти мгновенная трансформация.

Глава 3

Пустить в квартиру это чучело мог только один человек – домработница Наташа, молчаливая женщина неопределенного возраста, опрятная, с туго стянутыми в гулю седеющими волосами мышиного оттенка. До сих пор претензий к ней не было – она безупречно справлялась со своими обязанностями: вкусно готовила, поддерживала порядок, вела хозяйство. А самое главное – не надоедала Кириллу болтовней, строго соблюдая дистанцию. И никогда не позволяла себе вмешиваться в личную жизнь хозяина.

До сих пор.

Ужинать объедками, оставшимися после Манюни, Кирилл не стал. Его тошнило от самой мысли, что эта паршивка пользовалась его посудой и столовыми приборами. И любимую рубашку теперь придется выбросить.

Кирилл соорудил себе бутерброды с сыром, колбасой и помидорами и отправил их на борьбу с голодом. Бойцы с поставленной задачей справились, хотя желудок, отвыкший от еды всухомятку, возмущенно бурчал всю ночь, мешая спать.

Если честно, главным препятствием на пути здорового крепкого сна было раздражение. Концентрированной кислотой оно капало на душу, выжигая в ней дыры.

И к моменту появления домработницы похожая на сетку душа не в состоянии была держать накопившиеся за ночь отрицательные эмоции.

Услышав щелчок замка на входной двери, зеленый от недосыпа Кирилл вышел из спальни и, сложив на груди руки, прислонился к дверному косяку. А потом пустил в ход свой фирменный прессующий взгляд, которым обычно пользовался в бизнесе.

Младший из братьев Витке обладал мощнейшей энергетикой, полюс которой имел для окружающих ощутимое (во всех смыслах) значение. И когда Кирилл был недоволен, его шоколадно-карие глаза становились непроницаемо черными, давящими.

В личной жизни он редко применял свой прессинг, только в самом крайнем случае.

Но проникновение в его квартиру посторонней, да к тому же препротивнейшей, девахи было случаем на самом краю терпения. Даже за ним. За краем.

Обычно хозяин никогда не встречал Наталью у входа, он появлялся только к завтраку. А еще он никогда не смотрел на нее ТАК.

– Доброе утро, Кирилл Константинович! – дрожащим голосом произнесла женщина. – Вы что-то хотели?

– Хотел, – упало с металлическим звяком первое слово. Потом обрушились остальные. – Узнать хотел, вас что, не устраивает работа? Я вам мало плачу?

– Нет, что вы, меня все устраивает! – Маленькие круглые глазки испуганно заматались по прихожей.

Только сейчас Кирилл заметил, что домработница внешне очень напоминает Мышь из мультфильма его детства «Дюймовочка». Стянутые в узел волосы акцентировали внимание на крупном носе, вокруг которого теснились бусинки глаз и невразумительный ротик. И массивная нижняя часть при довольно узких плечиках и тонких лапках – ой, что это я – руках, конечно же. Захотелось даже проверить, не торчит ли из-под мешковатой юбки длинный омерзительный хвост.

Но – прежде всего дело. Кирилл с шумом втянул воздух и продолжил:

– А у меня создалось впечатление, что вы очень хотите уволиться. Что ж, не буду препятствовать, оставьте ключи и можете быть свободны.

– Но почему? За что? – Лицо Натальи покрылось некрасивыми красными пятнами, руки затряслись. – Что я такого сделала?

– Не понимаете, значит? – он терпеть не мог, когда начинался такой вот любительский спектакль, поэтому давление взгляда усилилось.

– Нет!

– Что ж, тем хуже. Если бы признали свою неправоту и объяснили мотивы, заставившие вас делать это, я, может, и не стал бы вас увольнять. До вчерашнего дня меня вполне устраивала ваша работа.

– А что вчера, что? – Светло-голубые, почти бесцветные пуговицы заслезились. – Я что, украла что-нибудь или разбила? Или ужин невкусный был?

– Вы всего лишь пустили в мой дом совершенно постороннего человека, – сухо пояснил Кирилл, внимательно наблюдая за реакцией домработницы.

– Что значит – постороннего? – фальшиво удивилась Наташа, всплеснув лапками. – Это же Машенька, ваша невеста, она так сказала. Хотела сделать вам сюрприз!

– Прекратите молоть ерунду! – поморщился Кирилл. – Кофе из нее все равно не сварить. Ваше вранье настолько убого, что...

– Да почему же вранье? – разыграла возмущение женщина. – Она показала фото, где вы ужинаете в ресторане и мило беседуете. Показала свой паспорт и даже отдала мне его ксерокопию, мол, если вдруг что – ее всегда найти можно! Разве воровка так поступит?

– А еще что отдала? И сколько? Сумма вас вполне устроила?

– Но... – Ох, глазки, глазки, предательские бусины, что ж вы так мечетесь, а? Сдаете ведь хозяйку со всем содержимым. – Я же...

– Хватит! – рявкнул Кирилл. – Отвлечемся на минуту на то, что квашня, которую вы пустили, могла бы быть дамой моего сердца лишь в кошмарном сне. За время, проведенное здесь, вы не раз подвергались атакам моих настоящих страстей, ставших вдруг бывшими против их желания, но держались стойко и на провокации не поддавались. Даже на денежные, поскольку дорожили своим местом. Интересно, сколько предложила вам Маня, раз вы решили рискнуть?

– Я... Мне... Кирилл Константинович, простите! – завывала Наташа, бухаясь на колени. – Понимаете, у меня дочка... Она давно мечтала о пластической операции. Очень уж хочется девчонке красивой быть, а она на меня похожей уродилась, такая же убогая-а-а... – вой перешел в горький плач.

Кирилл, как и большинство мужчин, терпеть не мог женских слез. Податливым пластилином он не становился, но делал все возможное, чтобы фонтан иссяк.

Он подошел к рыдающей женщине, помог ей встать и отвел в кухню. Усадил на стоявший возле стены стул (чтобы была дополнительная опора на случай усиления истерики), налил воды в кружку и почти насильно заставил Наталью выпить все до доньшка. Она захлебывалась, обливалась, но в итоге рыдания прекратились.

– Успокоились? – сухо проговорил Кирилл, протягивая зареванной женщине пачку бумажных платков. – А теперь рассказывайте, только кратко, самую суть, без эмоциональных лирических отступлений.

– Ага, сейчас, – закивала Наташа, быстренько извела на осушение текущих по физиономии ручьев всю пачку платков, а потом начала: – Так вот. У меня есть дочь, Кристина, ей восемнадцать лет. Отца у нее нет, я родила девочку для себя. Надеялась хотя бы от красивого мужчины ребеночка родить, чтобы на папу был похож, но разве ж на меня такие, как вы, посмотрят!

– Я же просил – без эмоций! – поморщился Кирилл.

– Извиняюсь. В общем, Кристинка родилась вовсе не от красавчика, но я думала, что она, как это часто бывает, возьмет от родителей лучшее. А она... она собрала самое плохое. В школе ее мальчишки Клизмой дразнили. Она обижалась, конечно, плакала, потом замкнулась и ни с кем не дружила. А потом ее угораздило влюбиться в самого красивого мальчика школы!

И пусть бы он как-нибудь мягко отказал моей девочке, так нет же! Он жестоко надсмеялся над дочкой, сволочь смазливая! А Кристинка таблеток наглоталась! Хорошо, я в тот день пораньше домой пришла, тяжело как-то на душе было. Успели откачать...

– Когда это случилось?

– А вот как раз перед тем, как я к вам на работу устроилась. Мне с прошлого места пришлось уйти, дочку выхаживать да караулить, чтобы она опять не попыталась руки на себя наложить. Она, бедняжка, все зеркала из дома повывбрасывала и целыми днями сидела в своей комнате, уставившись в одну точку. И тогда я пообещала дочери, что из кожи вон вылезу, а соберу ей деньги на пластическую операцию! – в глазах женщины вспыхнул фанатичный огонь, пальцы судорожно сжались в кулак. – И Кристинка ожила! Она поступила в техникум торговли на продавца, хорошо учится, девочки в группе с ней дружат, никто не обижает и не издевается. Дочка уже клинику подобрала, сходила туда на консультацию, хирург ее обнадежил и даже нарисовал, как она будет выглядеть после операции. Вернее, нескольких операций, сразу не получится. Теперь этот рисунок висит у дочки над кроватью и помогает ей жить. Я каждый месяц откладывала с зарплаты деньги, удалось уже приличную сумму собрать. И вдруг три дня назад Кристинке позвонили из клиники и предупредили, что со следующего месяца стоимость их услуг вырастет на двадцать процентов, и тогда придется ждать еще несколько лет, пока я насобираю. Дочка, конечно, в плач, ее пожалели и пообещали, что, если она внесет деньги за все операции сразу до конца месяца, то ей их будут делать по старой цене. Но на все операции нам не хватало еще трех тысяч!

– Долларов?

– Евро! И взять негде, все наши знакомые такие же нищие, как мы. Кристинка совсем духом упала. И тут позвонила эта Мария Скипина и предложила деньги в обмен на небольшую услугу. Конечно же, я согласилась! Она же не воровать собиралась, бедняжка вас просто очень любит, и надеялась, что ей удастся...

– Не удалось, – Кирилл помассировал заломившие вдруг виски. – У меня два вопроса по существу. Первый – вас не смутило, откуда мадмуазель Скипина знает о вашей проблеме? Ну, о том, что вам не хватает денег, да еще и точную сумму?

– Мне все равно, откуда она узнала. А насчет суммы – так ее я сама назвала. Маша просто спросила, хватает ли денег, и если нет, то сколько надо.

– Понятно. Тогда второй вопрос – почему вы не попросили денег у меня? Три тысячи евро не являются для меня неподъемной суммой, и если бы вы рассказали мне все вот как сейчас, я помог бы вам и вашей дочери.

– Это вы сейчас так говорите, – недоверчиво усмехнулась Наталья. – А так бы только посмеялись над нашей бедой, как тот красавчик над Кристинкой. Это ведь не операция на сердце или, ну не знаю, не рак какой-нибудь смертельный, это же пластика, бабский каприз! Вы, красавчики...

– Довольно! – Кирилл поднялся из-за кухонного стола, за которым сидел все это время, сходил в кабинет и вернулся с тоненькой пачкой купюр. – Вижу, у вас существует определенный пункт по поводу, как вы говорите, красавчиков, поэтому дальнейшее ваше пребывание в моем доме не представляется возможным. Я не смогу вам больше доверять. И положительную рекомендацию дать тоже не смогу, поэтому при последующем трудоустройстве прошу на меня не ссылаться. Вот вам зарплата за три месяца, думаю, этого хватит, пока вы найдете новое место. Верните, пожалуйста, ключи и – всего доброго!

– Кирилл Константинович, я больше никогда...

– Извините, я очень спешу, – Кирилл положил деньги на стол и выжидательно замер у двери.

– Ну и черт с вами! – окрысилась женщина, схватила деньги и, метнувшись в прихожую, закопошилась в сумке.

Нашла ключи, швырнула их на пол и, злобно сверкнув глазами, выбежала из квартиры, громко шандарахнув дверью.

Вот так у Кирилла Витке появился еще один враг, сыгравший свою роль в последующих событиях. Маленькую, но судьбоносно-подлую.

Глава 4

Замок на входной двери Кирилл сменил лишь через неделю. Никак не мог добраться до магазина, не хватало времени. К хорошему привыкаешь быстро, в том числе и к тому, что все хозяйственные вопросы решает домработница. И теперь, уволив Наташу, господин Витке утонул в ворохе мелких проблем. Неглаженные рубашки, невероятно быстро накапливающаяся в мойке грязная посуда, холодильник, забитый полуфабрикатами и замороженными продуктами для микроволновки – где уж тут вспомнить про замок!

Нет, он, конечно же, вспоминал, причем ежедневно. Возвращаясь вечером домой и доставая ключи.

Но потом сконцентрировался, собрал волю в кулак (левый, правой рукой телефонную трубку держал), позвонил в ЖЭС и вызвал слесаря. Теперь отступать было некуда, и время на посещение строймаркета сразу нашлось.

Может, и напрасно он вообще это затеял, ничего из квартиры за прошедшую после увольнения Наташи неделю не пропало. Но ощущение чужого присутствия не исчезало до тех пор, пока в двери не засверкал новенький замок.

И сразу стало комфортнее.

Кирилл искал, конечно, новую домработницу, но дело это непростое, требует времени, а пока он постепенно учился справляться с бытом самостоятельно. Не такой уж он оказался и страшный, этот быт, только поначалу важно надувал щеки и пыжился, проверяя мужчину на прочность, а потом оказался очень даже славным парнем.

Когда от полуфабрикатов уже тошнило, Кирилл решил научиться готовить. И совершенно неожиданно обнаружил у себя кулинарный талант. Он с увлечением импровизировал, соединяя несочетаемые на первый взгляд продукты и получая на выходе изумительно вкусный шедевр.

В общем, жизнь налаживалась. Маруся Скипина исчезла с горизонта, других туч там вроде не намечалось, бизнес развивался на редкость динамично – Кирилл был почти счастлив.

Почти, потому что все чаще в душе появлялось ощущение пустоты. Возникающие изредка рядом с ним дамы затрагивали все, что угодно, но не сердце. Не было ни одной, с которой Кириллу хотелось бы просыпаться по утрам всю жизнь. А жениться по расчету, с выгодой для бизнеса, как это собирался сделать Аристарх, младший брат не хотел.

Невесту Арика Кирилл еще ни разу не видел и даже не знал ее имени. Просто брат вдруг стал уходить с работы пораньше, выходить из комнаты, когда кто-то звонил на мобильный, пару раз был замечен с роскошным букетом цветов.

И где-то через месяц Аристарх пригласил брата попариться в баньке. А это случалось только тогда, когда у брата намечались серьезные перемены в жизни. Перед принятием окончательного решения ему обязательно надо было поговорить с Кириллом. И именно в бане.

Это вовсе не означало, что Арик всегда и во всем слушал младшего, он поступал так, как считал нужным. Но обсудить ситуацию в парилке и после, вкушая пиво с рыбкой – это святое.

Напарившись и от души исхлестав друг друга березовыми вениками, братья Витке завернулись в простыни и отправились в комнату отдыха.

– Ладно, дружище, – Кирилл взял тонкую полоску копченой лососины и с наслаждением отхлебнул свежего пива, – колись – кто она?

– Догадался, значит, – улыбнулся брат.

– Надо быть полным дебилом, чтобы не догадаться. Меня только одно смущает.

– Что? – вздрогнул вдруг Аристарх.

– Скучный у тебя какой-то роман, похож на документальную повесть о тружениках мартиновского цеха. Ни блеска в глазах, ни кретински-блаженного выражения лица, ни фотки воз-

любленной на рабочем столе. И ни разу не сорвался с дамой на романтический уик-энд где-нибудь в Париже. Да что там Париж – даже в наш загородный дом не выбрался, поваляться у камина. Представляешь – в комнате темно, свет идет только от томно постанывающего огня, вы сидите на ковре и пьете терпкое красное вино. Потом отставляете бокалы и...

– Прекрати! – скривился брат. – Что за сериальные бредни? Ты что, мыльные оперы смотришь? И откуда ты знаешь, что я не был в загородном доме? Следишь за мной, что ли?

– Ага, – дурашливо закивал Кирилл. – Только тем и занимаюсь последнее время. – Зарывшись в хрустальную вазочку с солеными фисташками, он не заметил странного выражения, промелькнувшего в глазах брата. Не то страх, не то горечь. – Дуракелло ты, Арюха! На фиг мне за тобой следить? Или ты у меня за спиной козни строишь, а, вице-президент? Президентом стать хочешь?

Глядя на полыхнувшее от возмущения (как предполагал тогда Кирилл) лицо брата, Витке-младший расхохотался:

– Ой, не могу! Ты бы себя видел! Синьор Помидор с выпученными глазами! Ладно тебе, не психуй, я же пошутил. А что касается загородного дома – так я сам туда ездил с девушкой в прошлые выходные, и, судя по сантиметровому слою пыли, со времени моего же предыдущего визита два месяца назад, еще до появления Мани Скипиной – не к ночи будь помянута, – там никого не было. Ладно, хватит отвлекаться, рассказывай.

– Что рассказывать-то?

– Не придуривайся! Кто она, где познакомились, какие планы на будущее? Я вообще удивлен, что ты решил наконец уделить внимание личной жизни, ты же у нас лещ сушеный. Сколько у тебя подружек было более-менее постоянных – три? Четыре? Да и те в юности, когда в универе учился.

– Не всем же по жизни кобелировать, – Аристарх отвернулся и замолчал.

Он действительно последние годы не обременял себя такими скороспелыми романчиками, как у Кирилла, и вовсе не потому, что не обладал внешностью брата. Просто Арик обладал темпераментом и горячностью рептилии и в сомнительные авантюры никогда не ввязывался, предпочитая снимать напряжение с проверенными, здоровыми и опытными девушками из эскорта.

Что же касается внешности – братья Витке были очень похожи друг на друга, но в то же время – совершенно разные. Оба высокие, стройные, но небольшое пузцо Арика, в отличие от накачанных кубиков младшего, дрябло нависало над поясом. Одинаковые шоколадно-карие глаза, только у Кирилла они большие, красивой формы, с пушистыми угольно-черными ресницами, а у старшего – глубоко посаженные, похожие на буравчики. Но ресницы тоже чернющие. Оба могли гордиться аристократическим римским профилем, но у Аристарха впечатление портил расположенный слишком близко к носу безвольный рот. А еще – голос, бархатистый и чарующий у Кирилла и резкий, скрипучий у брата.

Но в целом старший был вполне интересным мужчиной, особенно когда появлялся без брата. И на него хватало охотниц, желающих удачно выйти замуж.

– Чего надулся? – Кирилл шутливо боднул брата в плечо. – Я же все про тебя знаю. И сразу понял, что ты наконец нашел выгодную партию, соответствующую твоим требованиям. Я прав?

– Да, – буркнул Арик. – И я не вижу в этом ничего плохого. Моя женитьба очень поможет нашей фирме, поскольку семья моей будущей жены владеет весьма перспективным бизнесом.

– Ладно, не томи, кто она? Я ее знаю?

– Знаком, – загадочно усмехнулся Аристарх. – Но больше ничего не скажу.

– Это еще почему?!

– А нечего было подкалывать насчет скучного романа. Теперь только на свадьбе познакомишься.

– Вот же гад! Ну хоть симпатичная? Маленькие Витке должны быть симпатичными, учти. Уродцев нам не надо!

– Симпатичная, не волнуйся.

– Это хорошо. А то часто наследницы финансовых империй такие страшилки! Как вспомню Маню, так трясоти начинается.

– Между прочим, мог бы не кочевряжиться и повнимательнее присмотреться к Марии, – назидательно произнес старший. – У Виктора Борисовича Скипина, ее брата, банковский счет, между прочим, с шестью нулями. И не такая уж она и страшилка, разве что фигура подкачала, а на мордашку – вполне ничего.

– Вот сам бы и женился! – ехидно улыбнулся Кирилл. – Так ведь нет, посимпатичнее, думаю, нашел. Хотя нет, – содрогнулся он, – хорошо, что ты другую нашел! Маня Витке! Кошмар наяву! Я бы тогда точно с тобой раздружился. Пришлось бы фирму делить, новый бизнес с нуля начинать – ужас!

– Да чем же она так тебе досадила? – удивленно покачал головой Арик. – Ну, настырная, проникла к тебе в квартиру, так это ж любя! Втрескалась девушка по уши, не она первая, не она последняя. Если честно, не узнаю тебя. Ты всегда был более снисходителен к таким вот бедолагам, запавшим на твою смазливую физиомордию.

– Сам не знаю, – Кирилл допил пиво и, отставив кружку, вытер ладонью губы. – Умом понимаю, что нельзя так, что следует вести себя покоректнее, но как вспомню Маню – меня трясоти начинается. И вовсе не из-за внешности, она у Манюни не самая противная, тут ты прав. Это что-то на уровне инстинктов, понимаешь?

– Нет, – усмехнулся Арик. – Я человек и живу разумом, а не инстинктами.

– Ну а я, получается, еще немного зверь, потому что при виде мадмуазель Скипиной у меня шерсть на загривке дыбом встает. Хочется без слов задавить ее, как ядовитую гадину.

– Даже так?

– Даже так. Понимаешь, у нее черная душа, я это чувствую. Эта девица несет окружающим боль и зло, на добро она неспособна в принципе. И другой никогда не станет, потому что не хочет. Она заражает гнилью всех, с кем сближается, и они постепенно становятся такими же, уничтожая в себе все светлое и доброе, что было в них до встречи с Маней.

– Ну, нагородил! – рассмеялся Аристарх. Правда, смех был какой-то натужный, неестественный. – Меньше бы ты увлекался творчеством Стивена Кинга, вот что я тебе скажу, братишка. Прямо дьяволицу тут обрисовал, а не самую обыкновенную, не очень умную деваху.

– Ладно, хватит о ней, много чести, – отмахнулся Кирилл. – Лучше скажи – когда свадьба?

– В ноябре, шестого.

– Это что, через два месяца?

– Почти.

– Судя по точной дате, заявление в загс уже подано?

– Подано.

– Вот же скрытная задница! Спасибо, хоть за два месяца предупредил, успею подарок подобрать и костюм новый прикупить.

Не успел.

Глава 5

Принимая утром... нет, не гостей – по утрам в гости ходит только Винни-Пух – душ, Кирилл обнаружил, что у него одновременно заканчиваются и шампунь, и гель для душа, да и крема для бритья осталось максимум на три раза.

Так, надо будет после душа заглянуть в шкафчик, куда Наталья складывала моющие и чистящие прибабасы: мыло, шампунь, гель, зубную пасту, крем для бритья (именно крем, Кирилл не любил пену из баллончика, предпочитая взбивать крем помазком в фарфоровой пиалушке), стиральный порошок, средства для уборки и прочую бытовую химию.

Обычно Кирилл все это закупал оптом, раз в два-три месяца, делая набег на ближайший гипермаркет. Когда запасы подползали к концу, домработница сообщала об этом заранее, и Кирилл в ближайшие выходные отправлялся за очередной партией.

Но теперь напомнить было некому, а самому предусмотрительно заглядывать в шкафчик – некогда. И вот вам результат – придется ехать в магазин, не дожидаясь выходных. Ведь сегодня только вторник, а душ Кирилл привык принимать ежедневно, причем утром и вечером.

Ладно, придется попросить секретаря, Иветта Николаевна с удовольствием поможет.

Кирилл искренне не понимал руководителей, сажавших в приемных длинноногих красоток, умевших разве что шустро клацать накладными ногтями по клавиатуре и, эротично наклоняясь, подавать чай и кофе. И называть им подобных лицом фирмы было бы глупо, они, в лучшем случае, груди фирмы. Или задницы.

Причем кое-как домученные курсы секретарей-референтов этим Барби помогали мало, не хватало мозгов и жизненного опыта. Сексуального – да, сколько угодно.

Младший из братьев Витке был абсолютно убежден, что надежным тылом и настоящими помощницами могли стать только умные, профессиональные, желательно с высшим образованием женщины после сорока. Которых почему-то редко принимали на работу в России. А ведь они – то, что надо. Дети у них, как правило, уже выросли, бесконечных больничных не будет, а вот желания делать карьеру и состояться в профессии – более чем достаточно.

Мнение своего шефа полностью подтверждала Иветта Николаевна, миловидная, чуть полноватая женщина слегка за сорок. Аккуратная стрижка, строгие деловые костюмы, со вкусом подобранная бижутерия, ухоженные руки с ногтями оптимальной длины, стильные очки, но главное – надежность, сообразительность, прекрасные организационные способности и в качестве бонуса высшее экономическое образование.

Вот это – лицо фирмы.

Иветта Николаевна работала у Кирилла референтом уже три года и ни разу не дала повода пожалеть о своем выборе. Между ними установились теплые доверительные отношения, Кирилл всегда поздравлял секретаря с праздниками, не забывал привозить из командировок небольшие презенты, помог с устройством сына Иветты Николаевны в престижный английский колледж. А она, в свою очередь, баловала шефа домашней выпечкой и являлась самым надежным сейфом для его тайн и секретов.

Правда, своими мелкими бытовыми проблемами до сих пор Кирилл референта не нагружал, но что же теперь делать!

Иветта Николаевна знала, что шеф уволил домработницу, это трудно было не заметить по его взъерошенному поначалу виду. И потому совершенно не удивилась его просьбе, лишь уточнила, какая именно марка предпочтительнее.

И через полчаса у Кирилла на столе хрустел бумажными боками пакет со всем заказанным. Само собой, весь ассортимент был собран по одному экземпляру, оптовая закупка планировалась в ближайшие выходные.

Старых запасов, как и предполагалось, хватило всего лишь на сутки. И на следующий день вечером вскрытию подверглись и шампунь, и гель. А наутро – крем для бритья.

Взбивая помазком крем для бритья, Кирилл неприязненно вглядывался в зеркало. Совсем ты, парень, заработался, выглядишь преотвратно. Физиономия какая-то одутловатая, по всему телу высыпали шелушащиеся, невыносимо зудящие пятна, кожа бледная, похожая на брюхо скончавшейся от старости лягушки – красава!

Может, аллергия? Так вроде ничего нового вчера не ел. Из нового были только гель с шампунем. Надо будет у Иветты спросить, где купила. Хотя нет, она же чек к сдаче приложила – все приобретено в ближайшем к офису супермаркете. Может, подделка, схимиченная трудолюбивыми вьетнамцами в каком-нибудь подвале в ближнем Подмоскowie?

Нет, это вряд ли. Подобное возможно на рынке, крупные магазины дорожат репутацией. Но проверить все же надо.

Бриться пришлось очень медленно и аккуратно, ощущения были не из приятных. Казалось, бритва скребет по сплошной ссадине.

Пришлось заскочить по пути в офис в ближайшую аптеку и купить лекарство от аллергии.

Кирилл принял рекомендованную во вкладыше дозу, но легче не становилось, зуд и жжение нарастали. Мельком взглянув на себя в зеркало заднего вида, он ужаснулся. Лицо теперь было не просто одутловатым, оно взбугрилось жуткими нарывами. Что за...?!

Нет, в офис в таком виде нельзя, да в любом случае и работник из него сейчас аховый. И оховый. И датвоюжешматьовый.

До дома бы добраться без происшествий.

Добрался, но почти на автопилоте, исключительно с помощью собранной по всем сусекам и отсекам силы воли. Дабы не привлекать к себе внимание консьержа и соседей, пришлось поднять воротник плаща и нацепить завалявшиеся в бардачке очки.

Ввалившись в квартиру, Кирилл прямо в прихожей со стоном сбросил с себя одежду, заглянул в зеркало и задохнулся от шока.

Практически вся кожа на теле превратилась в омерзительного вида чешую. Но самое кошмарное творилось с лицом.

Из зеркала на мужчину смотрела морда какого-то чудовища: деформированная, покрытая буграми и нарывами, кое-где превратившимися в мокнущие язвы.

На аллергию это мало похоже, нужен врач.

Личного доктора у Кирилла не было, поскольку до сих пор и проблем особых со здоровьем не было. Он раз в году проходил полную диспансеризацию в солидном медицинском центре, получал заключение «совершенно здоров» и спокойно жил до следующего обследования.

А случавшиеся иногда простуды лечил самостоятельно.

Господи, больно-то как! Состояние ухудшалось стремительно, Кириллу казалось, что в лицо ему выплеснули кислоту или сунули его голову в огонь. «Скорую» вызвать, что ли?

Нет, пока машина доедет, он сдохнет за это время.

Шатаясь, Кирилл вернулся к валявшимся на полу вещам, вытащил из кармана пиджака мобильный телефон и дрожащими пальцами набрал номер брата.

Тот ответил почти сразу:

– Кирюха, ты с ума сошел? У нас через десять минут встреча с французами, забыл, что ли?

– Я дома, – прохрипел Кирилл, медленно опрокидываясь на пол. – Помоги!

– Что? Что случилось?! Кирилл, не молчи!!! – Крик брата испуганно метался в динамике телефона, постепенно угасая вместе с сознанием.

«Я запер входную дверь или нет?» – мелькнуло в наползающей темноте перед полной отключкой.

Назвать включение приятным было нельзя. Боль, правда, стала гораздо меньше, она словно затаилась на периферии ощущений, ожидая своего часа. Рядом с болью копошились и зуд с жжением.

Кирилл попробовал открыть глаза, но почему-то ничего не получилось. Еще раз, и еще... Веки гудели от напряжения, словно зависшие роллеты, но подниматься отказывались. Что называется, приплыли.

Он хотел уже подать голос, позвать врача или медсестру (судя по вонзившейся в вену игле и мерному попискиванию над головой, его привезли-таки в больницу), но послышавшиеся вдруг голоса заставили замереть. И даже затаить дыхание, хотя, судя по приглушенному звуку, говорили за дверью.

– Ты что же наделала, дрянь такая! – сдавленный, звенящий от злости голос Аристарха. Интересно, с кем это он? Неужели с Иветтой Николаевной? – Кирилл чуть не умер! Да и я, когда нашел его там, в квартире, едва инфаркт не получил! Ты же обещала, что у него всего лишь испортится кожа и будет невыносимый зуд, который без лекарств не остановить. А это что?! Что, я тебя спрашиваю?! Он же на человека не похож! А эти жуткие язвы – это ведь дико больно! Ваш доктор сказал, что он едва не умер от болевого шока! Мы так не договаривались!

– Кто же знал, что у твоего братца окажется такая реакция, – спокойно, даже лениво ответил до тошноты знакомый голос. Маня? С Аристархом?! – И нечего биться в истерике, дорогой, долго уговаривать тебя скинуть братца с трона не пришлось. Вспомни, как ты обрадовался возможности встать во главе фирмы, заперев больного брата дома? Его деловая интуиция, его бизнес-хватка, его талант станут твоей безраздельной собственностью, как, впрочем, и деньги, успех, слава. Чего теперь из себя белого и пушистого строишь?

– Заткнись, дура! Из-за твоей ненависти и жажды мести мы едва не потеряли Кирилла! Я ведь без него не смогу управляться с «Монбланом», стервятники растащат фирму на куски! Да и вообще, ты представляешь себе последствия его гибели? Служба безопасности швейцарского банка, в котором хранятся наши общие с ним деньги, мгновенно начнет расследование обстоятельств его смерти, и мне хана.

– Ой, да ладно тебе! Нет тела – нет дела. Уничтожили бы труп, а всем сказали, что твой братец свалил.

– Да ты... Ты... Что ты мелешь?! Это не тело, не труп, это мой брат! К тому же без его подписи... Ладно, это тебя не касается. Но учти, – голос Аристарха сделался ледяным, – если в этом твоём хваленном закрытом стационаре не смогут вытянуть Кирилла, никакой свадьбы не будет, поняла? Да, не отрицаю, я хотел занять место брата, стать полновластным хозяином «Монблана», но не такой ценой! Я и так плачу непомерно много, делая тебя своей женой, а твоего братца – деловым партнером, что, учитывая абсолютный криминал в его бизнесе, может нанести непоправимый вред репутации моей фирмы. До сих пор участие финансовой группы «Монблан» в каком-либо проекте являлось гарантом законности и прозрачности сделки.

– Ну, ты и свинья! – психанула Манюня. – Я, видите ли, его не устраиваю, насильно, бедняжка, на корове женится, плебейку в жены берет, аристократ...! Да, бизнес Виктора криминальный, но именно благодаря ему удалось повернуть наше маленькое дельце и убрать брата с твоей дороги. И нечего мне угрожать, не женится он, видите ли! Женишься, как миленький! Ты теперь по уши в дерьме, если что – не отмоешься!

– Повторяю для особо тупых, – процедил Аристарх. – Если Кирилл умрет, я прекращаю наше сотрудничество. И не надо мне угрожать, связей у меня, поверь, достаточно, чтобы противостоять вашим с братцем козням. Я просто продам «Монблан» и свалю куда-нибудь к морю. Средиземному. Так что не надувай щеки, а лучше порекомендуй вашему хваленому доктору сделать все возможное и невозможное, чтобы вытащить моего брата. И желательно вернуть ему более-менее приемлемый облик.

– Вот этого не обещаю! – Ох ты, сколько же злорадства в голосе! – Твой Кирюша, если выживет, навсегда останется уродом, уж я постаралась.

– Ах, ты...

– Заткнись, Каплан идет.

Глава 6

Товарищи по партии подонков притихли, дожидаясь неведомого Каплана, а Кирилл...

Говорят, у человека перед смертью с невозможной скоростью в голове прокручивается вся его жизнь. Прошлая.

У Кирилла со свистом только что тоже пролетела вся жизнь. Вот только не прошлая, а будущая, успешная и счастливая.

А еще – оборвалась, с хрустом и кровью, прошлая жизнь, в которой у него была семья, был брат. Который, собственно, и являлся семьей Кирилла, больше у них никого не было. Отец умер несколько лет назад, а мама...

В детстве мальчики постоянно спрашивали о ней у отца. И получали исчерпывающий ответ: «Матери у вас нет и не было никогда». А еще в доме не было ничего меморабильного – ни фотографий, ни писем, ни открыток. Словно семья Витке появилась вдруг, внезапно в одной точке пространства, выпав из ниоткуда.

Арик и Кирюша по-разномуотреагировали на отсутствие в их жизни матери. Старший замкнулся и прекратил всяческие расспросы, раз и навсегда вычеркнув родившую его женщину из своей жизни. А ко всем особам противоположного пола стал относиться расчетливо и потребительски.

Недополучив тепла и ласки в детстве, он и сам не умел дарить тепло. А еще, как только что выяснилось, вообще не умел любить. И семья для Аристарха не значила ровным счетом ничего, товарно-денежные отношения – вот лучший вид отношений.

Что касается условия, только что выдвинутого им своей поделнице, – это агонизировала, умирая, совесть.

Кирилл же с ситуацией в семье так и не смирился. В детстве он тайком от отца, брата и домработницы не единожды обшаривал все шкафы, кладовки, антресоли и прочие закоулки их просторной квартиры, надеясь найти хоть какие-то следы из прошлого.

У всех его друзей дома хранились либо толстенные альбомы с аккуратно вклеенными фотографиями, либо набитые старыми карточками коробки и пакеты. С черно-белых фотографий смотрели лица давно ушедших и ныне живущих, а друзья там были такие смешные толстые карапузы с удивленными глазенками.

А еще – с мамами, папами, дедушками, бабушками, дядями и тетями. А у Кирилла имелись только папа и старший брат. И домработница, Ольга Михайловна. Но она появилась в семье Витке уже после их приезда в Москву и ничего о прошлом работодателя, разумеется, не знала.

Наверное, что-то могла рассказать няня мальчиков, баба Нина, единственный человек из детства, даривший им ласку, любовь и нежность. Баба Нина пекла вкусные пироги, булочки и кулебяки, дула на разбитую коленку, смазывая ее зеленкой, рассказывала перед сном сказки, а еще к ней всегда можно было прибежать и, уткнувшись в мягкое теплое плечо, от души поплакать. Не рискуя услышать брезгливо-отчужденного: «Чего разнюнился, как девчонка? Мужчины никогда не плачут, запомни это раз и навсегда».

Но баба Нина исчезла из жизни мальчиков, когда Аристарху было семь лет, а Кириллу – пять. Что произошло, почему вместо няни появилась Ольга Михайловна, он не помнил. А вот свое первое безутешное горе из-за этого запомнил навсегда. Образцово-показательная домработница быстро выветрила из квартиры запах выпечки, жареной курочки и прочих холестеринных безобразий, заменив его безвкусной, но зато очень полезной и здоровой пищей. Жизнь в доме Витке теперь строилось строго по распорядку, никаких перекусов между приемами пищи и обязательный кефир перед сном.

Потом была лучшая в Москве гимназия, экономический факультет МГУ, стажировка в Лондоне, наследование успешного бизнеса.

После смерти отца Кирилл предпринял собственное расследование, пытаясь узнать хоть что-то о своем происхождении. Потому что до сих пор ему изредка снился один и тот же сон: широко распахнутое окно, за которым виден поросший зеленой кудрявой шерсткой склон горы. В окно неудержимым потоком вливается ликующе-радостный солнечный свет, обрамляя радужным ореолом силуэт стоящей у окна женщины. Он, совсем крохотный, едва научившийся стоять, всем своим существом тянется к этой теплой радуге, ведь это же самая родная, самая лучшая в мире его МАМА!

И в детстве, и сейчас Кирилл просыпался с ощущением невыразимого счастья. А потом, сообразив, что это был всего лишь сон...

Мальчиком – горько плакал, спрятавшись под одеялом, чтобы никто не слышал. Став взрослым – выходил с сигаретой на террасу или на кухню, в зависимости от погоды.

И искал, искал хоть какие-то сведения о своей семье. Ведь отец постоянно напоминал сыновьям, что они – наследники старинного дворянского рода и должны вести себя соответственно.

В архивах нашлось немало сведений о роде Витке. Во времена Екатерины II обедневший барон Вильгельм фон Витке приехал в Россию, по слухам, императрица благоволила своим землякам. Храбростью и преданностью Вильгельм сумел обратить на себя внимание венценосной особы, и был жалован дворянским титулом. А удачная женитьба на девице Апраксиной еще больше упрочила положение господина Витке. После смерти матери Вильгельм перетащил из Германии брата и двух сестер, и все было замечательно. Но...

К моменту Октябрьского переворота из всей многочисленной семьи остался только Николай Витке, служивший под началом барона Врангеля и успевший вывезти семью из полыхавшей огнем красного террора России. Он поддерживал переписку со своим другом, Викентием Корневицким, поверившим большевикам и оставшимся поднимать из руин горячо любимую Отчизну. Блестящий офицер, умный, честный и преданный, Корневицкий немало сделал для становления молодой Советской Армии.

Чтобы быть расстрелянным «благодарными» товарищами вместе с сотнями других таких же наивных и преданных... Преданных во всех смыслах.

И только благодаря бережному отношению потомков Корневицкого к его бумагам и архивам Кириллу удалось узнать, что его прадед Николай вместе с женой Марией и сыном Петром жили в Лозанне. Почему он предпочел Швейцарию родине предков – Германии? Наверное, потому, что не хотел больше воевать, а в Германии все выше поднимал уродливую голову фашизм.

Потом по Европе огненным смерчем пронеслась Вторая мировая война, и следы Николая Витке затерялись.

А в конце восьмидесятых, с приходом горбачевской перестройки, в Москве объявился Константин Петрович Витке с двумя сыновьями и их няней. Он не испугался беспредельно-кастетного становления рыночных отношений в России и довольно успешно занял свою нишу в бизнесе. Деньги у Константина были, и, судя по всему, немалые. А еще – умение разумно распоряжаться ими.

Поэтому сыновьям в наследство достался не только налаженный бизнес и связи, но и сумма с шестью нулями в швейцарском банке, распоряжаться которой братья могли только вместе. И смерть одного из них автоматически вела к следствию, проводимому службой безопасности банка, а там ребята работали не за выслугу лет, а за большие зарплаты, которые отработывали с невиданным для наших правоохранительных органов энтузиазмом.

В общем, то, что происходило после их приезда в Москву, Кирилл уже знал, ведь это была и его жизнь. А вот установить, откуда они приехали в свое время, так и не удалось. Был ли

тому виной вселенский бардак начала девяностых или меры, по непонятным причинам принятые в свое время Константином Витке ради сохранения тайны, – кто знает?

И Кирилл решил оставить бесплодные поиски прошлого. Жизнь складывалась более чем удачно, впереди было только хорошее, что же касается сна...

Просто надо найти свою женщину-радугу, которая подарит ему ощущение всепоглощающего счастья.

И Кирилл искал, но увы – не нашел.

А теперь уже и не найдет. Никогда. Потому что вместо женщины-радуги встретил женщину-гиену, превратившую его, Кирилла, жизнь в кусок гниющей падали. Отобравшую у него брата...

Все это рвущим душу ураганом пронеслось внутри, оставляя после себя лишь пыльные руины. Гнев, ярость, презрение, ненависть, отчаяние – все это, вспыхнув, осталось тлеть там, под обломками. Для того чтобы их извлечь, требовались силы, а их у Кирилла не было. Зато пыли равнодушия – сколько угодно.

Может, это и к лучшему, пыль – она и есть пыль, из нее ничего не построить: ни глупостей, ни необдуманных поступков – всего того, что можно натворить сгоряча. А потом сидеть над сотворенным и думать: «Е-мое, что ж я сделал-то?»

Спросите у Бога, он знает.

И даже хорошо, что веки стали каменными и не желают подниматься. Значит, и подрагивать, сообщая всем, что хозяин пришел в сознание и там, в сознании, затаился, не будут.

Меньше всего сейчас хотелось общаться с братцем и его суженой.

– Давно ждете? – поинтересовался дребезжащий голос вновь прибывшего. – Извините, пришлось задержаться, у одной из пациенток был нервный срыв.

– В зеркало заглянула? – гыгыкнула Маня.

– Мария, вы считаете происходящее в этой клинике смешным?

– А что, нет? Эти дурынды сами во всем виноваты. Ладно, давайте уже, отпирайте дверь, заколебалась тут торчать. И вообще, я – сестра Виктора Борисовича Скипина и должна иметь право доступа во все помещения и палаты этого заведения!

– Вы и ходите, куда пожелаете.

– Да, но только в сопровождении вас или охранника, а я хочу иметь свой личный магнитный ключ!

– Вот к своему брату с этим вопросом и обращайтесь, – голоса зазвучали громче. – Даст «добро» – милости прошу к нашему шалашу. Хотя, если честно, не понимаю, как на это можно смотреть по доброй воле. Я-то вынужден по долгу службы, так сказать, но вам-то оно зачем?

– Вам действительно не понять, Вениамин Израилевич. – Голос Манюни приблизился, Кирилл почти физически ощущал исходящую от девицы тяжелую волну отрицательной энергетики. – Сколько удовольствия я получаю, когда вижу это месиво вместо смазливой рожи.

– Заткнись! – прошипел Аристарх, находившийся, судя по звуку, дальше всех от кровати. – Доктор, мне необходимо знать – мой брат будет жить?

– Будет жить-поживать да добра наживать, – задумчиво мурлыкал Каплан, возясь с аппаратурой: что-то щелкало, стрекотало, пищало, шуршало.

Кардиограмму снимает, что ли? А впрочем, какая разница? Пыль в душе Кирилла вяло шевельнулась, укладываясь поудобнее, и снова замерла.

– Ну что же, – спустя какое-то время (для Кирилла оно спустилось в унитаз) удовлетворенно сообщил доктор, – судя по показаниям приборов, организм вашего брата справился, процесс полного распада кожи удалось остановить. Так что теперь я с уверенностью могу сказать – жить он будет.

– Другой вопрос – как, – глумливо хихикнула Маня.

Глава 7

– Да, качество жизни будет совершенно иным. С внешними повреждениями, думаю, справиться удастся, у нас подобная методика наработана, так что не волнуйтесь, господин Витке, ваш брат снова будет похож на себя...

– Слава богу! – обрадовался было господин Витке, но потом в голос снова вползла озаченность. – И... Он сможет вернуться к обычной жизни, на работу?

– Голубчик, чем вы меня слушаете? – Игла в локтевом сгибе лениво пошевелилась, видимо, доктор возился с капельницей. – Кому я только что говорил о качестве жизни брата? Честное слово, прямо как нерадивый ученик: не слушает, перебивает.

– Извините, я просто волнуюсь, – сухо проговорил Аристарх, давно отвыкший от того, чтобы его отчитывали, как мальчишку.

– Скажите, пожалуйста, волнуется он! – Маня, ну кто же еще. – Сначала сам согласился скинуть братца с финансового трона, сделав его инвалидом, а теперь институтку изображает!

– А тебе и изображать не надо, вот только не институтку, а проститутку.

– Ах, ты...

– Стоп! – раздраженно повысил голос Каплан. – Я не желаю слушать ваши дрызги! Ругайтесь где-нибудь в другом месте, а не в палате реанимации. Этот человек только что выкарабкался из могилы и балансирует пока на ее краю. И если он услышит все это, то вполне может свалиться обратно.

– А он что, уже очнулся? – перешел вдруг на шепот Аристарх.

– Понятия не имею. Будь у него нормальное лицо, я смог бы хоть как-то определить, а так...

– И что, вполне возможно, что Кирилл нас слышал?

– Скорее всего, нет. Судя по показаниям датчиков, пульс у него ровный, спокойный, давление, правда, слегка повышено, но это-то как раз вполне объяснимо. А вот пульс – вряд ли он был бы таким ровным, услышь этот человек ваши взаимные обвинения.

– Да, конечно, вы правы, – о, снова у Арика голос прорезался и в зобу дыхание отперло. Интересно, а штаны сухие? Впрочем, нет, не интересно. Все равно. – Так что там по поводу состояния Кирилла и его будущего?

– Как я уже говорил, внешне с ним все будет в порядке, а вот общее состояние организма – увы. Я проведу еще несколько анализов и обследований, но по результатам первичных, сделанных за дни нахождения его в моей клинике... – Дни? Он сказал – дни?! – я могу сообщить вам неприятную или, наоборот, приятную – в зависимости от вашей конечной цели – новость: Кирилл Витке на всю жизнь останется инвалидом. Любое движение ему будет даваться с огромным трудом. По какой-то не совсем понятной мне причине пострадал не только кожный покров, но и костно-мышечная система. Для более точного диагноза и назначения соответствующего курса лечения мне необходимы углубленные исследования. Но, скорее всего, для поддержания более-менее стабильного состояния этому человеку необходим будет постоянный прием лекарств.

– Каких именно? – просипел Аристарх, затем откашлялся и продолжил: – Я имею в виду, уколы или таблетки? Сиделка ему нужна будет?

– Лучше всего – свечи, – сверкнула остроумием Маня. – Желательно с перцем.

– Да заткнешься ты сегодня?

– Конечно, милый. Уже.

– Так, думаю, что посещения больного любящими родственниками следует отменить. – Голос Каплана похолодел до нуля градусов. – Ваша неспособность вести себя прилично может помешать лечению, и если вы, господин Витке, жаждете увидеть брата живым и относительно

здоровым, то должны подчиниться этому требованию. А также настоятельно порекомендовать мадмуазель Скипиной не вмешиваться в процесс лечения.

– А с чего вы взяли, что я собираюсь вмешиваться? Вот еще!

– Знаете, милочка, я достаточно долго живу на свете и немножечко научился разбираться в людях. Да и не нужно быть ясновидящим, дабы заметить вашу, м-м-м, неприязнь к пациенту. И если вашим будущим супругом руководит трезвый расчет, что я могу понять и отношусь к этому спокойно, то вами, мадмуазель, управляет дурное желание нанести больному максимальный вред. Вас совершенно не заботит тот факт, что из-за этого может пострадать план господина Витке, которому вряд ли нужен мертвый или умственно неполноценный брат.

– Что?! – всполошился Арик. – Вы сказали «умственно неполноценный»? Но... Как... Каким образом воздействие на кожу может привести к нарушению мозговой деятельности?

– Я же говорю – тут много непонятного, надо поработать. Мое предположение – вашего брата пользовали химическим коктейлем не только снаружи, но и изнутри.

– Та-а-ак, – тяжело ступая, Аристарх приблизился к кровати, а в следующее мгновение звонко хлопнула пощечина. По звуку это вполне мог быть и игривый шлепок по голому задку, но вряд ли можно было предположить, что мадмуазель Скипина разгуливает по клинике с обнаженной филейной частью. – Сука! Ты что сделала, а?! Немедленно признавайся! Иначе, пока доктор будет тратить драгоценное время на исследования, Кирилл превратится в овощ! И что тогда? Ты что, совсем рехнулась... подзаборная!

Очередная пощечина, после которой раздался странный шипящий звук, словно из пробитой покрывки, и сдавленный вскрик Аристарха:

– Тварь! Отрастила когти! Ну все, дождалась! Что за...

– Вы что, офонарели? – Ишь, спелась, почти дуэт. – Чего обливаются?

– Успокоились? – невозмутимо осведомился доктор. – Это всего лишь вода, пришлось израсходовать питьевую, дабы остудить ваш пыл. А теперь – вон из палаты, оба! И чтобы я вас здесь больше не видел!

– Но-но, не забывайтесь, я все-таки сестра Скипина!

– А я, милочка, единственный врач в этом заведении, способный возвращать клиенток одной косметической фирмочки к нормальной жизни. И мои требования обычно выполняются незамедлительно. Что же касается данной конкретной ситуации, то господин Витке прав. Время, потраченное мной на установление причины нынешнего состояния больного, может сыграть для него роковую роль.

– Если это случится, – снова завел шарманку Арик, но нежная козочка прервала его:

– Ладно, скажу, только от...сь! Да, этому подонку досталось не только снаружи. Его бывшая домработница, которую я взяла к себе, тогда не только подменила гели с шампунями, но и подсыпала в сахарницу беленький такой, сладковатый, если верить разработчику, порошок...

– Что?! – вот теперь и Вениамин Израилевич занервничать изволили. – Вы... вы посмели влезть в мою лабораторию?! Да как вы... Кто дал вам право?!

– Брат, кто же еще. – А вот Маня как раз успокоилась. – Он тоже не любит тех, кто обижает его маленькую сестренку, поэтому и разрешил мне позаимствовать вашу отраву. Правда, я обещала, что возьму лишь капельку, но что означает в моем понимании «капелька», не уточнила.

– Это многое проясняет, – удрученно проговорил доктор. – Боюсь, господин Витке, я поторопился с выводами и зря вас обнадежил. Если ваш брат достаточно долго получал разработанный мной препарат...

– То вы в темпе разработаете другой, нейтрализующий действие вашей отравы, – процедил Аристарх и, судя по удаляющимся шагам, направился к выходу. – Не советую доводить меня до крайности, господа. Может, я и не так силен в бизнесе, как мой брат, но я очень, очень

хороший организатор. Всего, в том числе и глобальных неприятностей. А ты, Машута, распрощайся с мыслью стать мадам Витке.

– Нет уж, сволочь поганая, с крючка тебе не соскочить! – завопила Маня и с топотом понеслась следом за женихом.

– М-да, – проворчал Каплан, – сколько здесь работаю, казалось бы, ко всему привыкнуть должен, но семейка Скипиных скучать не дает. Новая проблема на мою лысеющую голову – расвирепевший скорпион, только что обнаруживший, что ужалил сам себя! А Вениамин Израилевич, как и положено еврею, всегда крайний! Сначала господин Скипин просит разработать нейтральный по вкусу препаратик, с помощью которого можно медленно, но гарантированно отправить на тот свет неугодного человечка, спровоцировав у того плохо поддающуюся лечению онкологию, скажем, саркому. Вениамину Израилевичу это, конечно, не очень нравится, он же доктор, а не наоборот, но ему предложили такую сумму зелененьких дензнаков, что доктор дрогнул, уступив место наоборот. И вот я соглашаюсь, трачу свое драгоценное время, экспериментирую, извел столько подопытных крыс, что коты сдохли бы от зависти, получаю наконец что-то похожее и, как последний поц, имею неосторожность похвастаться разработкой перед господином Скипиным в присутствии этой ведьмы, его сестрички! И ведь говорил же, что на людях препарат еще не испытывался, что впереди месяцы доводки, так нет же! Эта злобная баба крадет у меня порошок и... знает сколько сыплет его в сахарницу мужика, неосмотрительно выгнавшего настырную девку из постели! И, между нами, мальчиками, я его понимаю. Но кто теперь поймет меня?

Бухтеж доктора давно затих за захлопнувшейся дверью, можно было расслабиться и дать волю эмоциям, но им, эмоциям, воля была не нужна. Там, в душе, по-прежнему ровным слоем лежала пыль. Даже информация о возможной скорой смерти от рака не заставила ее взвизгиваться и улететь. Зачем? Так даже лучше.

Тотальное безразличие к собственной судьбе погрузило Кирилла в своеобразный анабиоз. Где-то на периферии сознания он замечал суету вокруг него Каплана, медсестер и санитарок.

А замечать начал на следующий день после визита «любящих родственников», когда веки решили наконец открыться.

Доктор Каплан оказался довольно щуплым лысоватым субъектом с идеально круглой проплешиной в стое черных кудряшек и с вечно озабоченной физиономией. Скорее всего, это постоянство было связано с состоянием пациента, но другим Кирилл своего врача не видел.

Анабиоз, в котором плавали первые дни сознание, стал для Кирилла настоящим спасением, но это он понял гораздо позже. А тогда просто не замечал чудовищной боли, разъедающей тело изнутри. Он бессловесным кабачком лежал на кровати, тупо таращась в потолок. На вопросы, обращенные к нему, не реагировал, никого ни о чем не просил. Кормили его насильно, через трубку, физиологические потребности удовлетворялись добровольно-принудительно.

А еще его кололи, натирали, пичкали лекарствами, воздействовали токами, облучали, массажировали – лечили, в общем, до изнеможения.

Сколько это продолжалось, Кирилл не знал. Просто не фиксировал. Но, похоже, Вениамин Израилевич действительно был великолепным профессионалом, потому что вскоре его пациенту надоело быть овощем.

Глава 8

Пускать слюни безмятежности, не обращая особого внимания на внешние раздражители, было, конечно, очень удобно. Ведь кабачок – он и есть кабачок, какие к нему претензии? Если бы не одно «но». Существенное такое «но».

Вытягивая из земли вкусняшку, кабачок просто толстеет, разрастаясь в длину и ширину. Но никаких лужиц и кучек при этом вокруг себя не оставляет. И это различие все больше и больше напрягало Кирилла.

У отважных и решительных литературных и киногероев были иные, более благородные стимулы бороться с болезнью и немощью: желание наказать негодяев, к примеру, или спасти слабых и униженных, или все это вместе, сделавшись суровым героем-мстителем. В общем, светлых целей-маяков, указывающих путь среди мрака отчаяния, писатели и сценаристы придумали немало.

У Кирилла же никаких таких целей пока не было – ни наказывать, ни мстить, ни защищать он не собирался. Но и выносить ежедневные унижительные процедуры вдруг расхотел.

Росток чувства собственного достоинства оказался самым сильным, он первым пробил кожуру кабачка и вырвался наружу, став единственной опорой разрушенной души.

Что бы ни случилось, какие бы пакости ни подбрасывала судьба, надо в любой ситуации оставаться человеком, не опускаясь до соблазнительно упрощающего жизнь уровня животного. Или растения.

И пусть окружающие видят тебя именно таким, плевать. Главное – твое внутреннее ощущение.

Когда Кирилл впервые попробовал встать, тело с ним не согласилось и осталось лежать на кровати рыхлым комком теста. В результате следующей попытки комок теста свалился на пол. И подняться самостоятельно не смог, потому что вдруг обнаружилось, что в руках и ногах поселились термиты, с хрустом пожирающие кости и мышцы изнутри. Когда их хозяин неподвижно лежал на кровати, мерзкие твари, наверное, спали.

Но попытка принять вертикальное положение закончилась плачевно. Но в то же время – результативно. Потому что дикая боль, выгнавшая на глаза слезы, одновременно окончательно взорвала анабиоз.

– Так, что тут у нас происходит? – словно сквозь вату донесся голос Каплана. – Ну, что ж вы так, молодой человек! Вам нельзя делать резких движений... Минуточку! А с чего вдруг вы решили делать эти движения? Вы... вы меня слышите? – оживился доктор, вместе с шкафообразным охранником поднимая пациента с пола. – Понимаете?

– Да, – прохрипел Кирилл сквозь судорожно стиснутые зубы.

– Великолепно! – аж подпрыгнул на месте эскулап. – Сейчас сделаем укольчик, во-о-от так. Ну, с возвращением вас, Кирилл Константинович!

– Откуда? – возвращаться полностью, так сказать, Кирилл не собирался, поскольку тесное общение с родственниками нынешними и будущими в его ближайшие жизненные планы не входило. Доктор ведь упоминал о возможной умственной неполноценности? Вот и отлично. – Я куда-то ездил?

– Вы... – Каплан склонился над пациентом, пристально вглядываясь ему в глаза. – Вы что-либо помните?

– Да, конечно.

Злобные маленькие твари под действием инъекции постепенно начали укладываться в спячку, уводя в норы боль. Теперь можно было сосредоточиться на разговоре.

– Что именно вы помните?

– Да все. Вот только не понимаю, где я и как сюда попал.

– Та-а-ак, – доктор вцепился в кончик своего внушительного носа и принялся измываться над беднягой, заставляя мучительно краснеть. – Давайте по порядку. Как вас зовут?

– Кирилл. Кирилл Витке.

– Замечательно. Где вы работаете?

– Нигде.

– То есть?

– Я еще учусь. В школе. А где папа? И почему мне так больно? Я что, под машину попал, да?

– Мгм, – сделав нос похожим на воспаленный хобот муравьеда, Вениамин Израилевич оставил беднягу в покое и, присев на край кровати, успокаивающе похлопал Кирилла по руке: – А сколько вам лет, юноша?

– Двенадцать. Что вы все спрашиваете и спрашиваете? Почему сами не отвечаете? И... и почему у меня такой странный голос? Где папа? Я хочу домой!

Главное, не переиграть. Рыдать будем? Нет, не будем. В этом возрасте он считал себя взрослым парнем, жестким и суровым. А орать – орать можно сколько угодно.

– Все-все, успокойся, – перешел на «ты» Каплан, – скоро придет твой брат, он все и объяснит. А пока я попрошу тебя лежать тихо и не пробовать вставать. Тебе пока нельзя.

– Но что случилось?

– Ты заболел, очень серьезно заболел. И для того, чтобы выздороветь, должен меня слушаться. Я – твой лечащий врач, меня зовут Вениамин Израилевич.

– Очень приятно, – буркнул Кирилл и отвернулся. – Я в туалет хочу.

– Сейчас придет санитарка и даст тебе утку.

– На фиг мне утка? Я есть не хочу, я писать хочу!

– Кирилл, – доктор наклонился и вытащил из-под кровати раздавленный асфальтовым катком чайник без крышки, – уткой в больницах называют вот эту штуку, она лежачим больным вместо туалета.

– Чего-о-о? Не буду я в эту штуку, да еще в присутствии посторонней тетки! Помогите мне дойти до туалета!

– Тебе снова будет больно, к тому же ты еще слишком слаб, чтобы справиться самостоятельно.

– Отведите. Иначе обдую кровать.

Первый раунд Кирилл выиграл по очкам. Все тот же шкаф на коротких кривых ножках вкатил в палату инвалидное кресло, пересадил туда упрямого пациента и довез до санузла. Дальше Кирилл управлялся сам. И пусть заняло это гораздо больше времени, чем раньше, пусть потревоженные термиты снова грызли его (правда, меньше, чем в первый раз, лекарство еще действовало), но он сделал свой первый шаг к возвращению.

И с каждым днем таких шагов становилось все больше. Каплан разработал новую методику лечения, включающую в себя и физическую реабилитацию, и Кирилл упорно, используя практически все свободное время, тренировался.

Через неделю он мог уже обходиться без инвалидного кресла и передвигаться по палате самостоятельно. Стараясь не показывать, каких усилий ему это стоит. Ведь вряд ли двенадцатилетний мальчик способен выдерживать постоянную боль, пусть и не такую мучительную, как раньше, но изматывающую до доньшка.

А потом доктор, подгоняемый Аристархом, придумал-таки лекарство, нейтрализующее действие отравы, и развивающийся в костях и мышцах процесс удалось остановить. Но, видимо, не до конца, потому что боль осталась. И стоило хоть раз пропустить прием лекарства, как она с радостным повизгиванием вылетала из норы и оттягивалась вовсю.

Но если прием не прерывать, существование было вполне сносным.

Именно существование, назвать происходящее жизнью Кирилл не мог. Пока не мог. Хорошо хоть, его оставили в покое «родственники».

После неожиданного «возвращения» брата Аристарх примчался в клинику на следующее утро, надеясь, что доктор ошибся, и с младшим на самом деле все не так плохо.

Но Кирилл старательно, словно наглый невоспитанный свин в детской песочнице, растоптал куличики надежды. Он никакой не бизнесмен, стажировавшийся в Лондоне, а ученик гимназии, вот!

И с удовольствием наблюдал из чердачного окошка сознания, как Аристарх, покрываясь нервной экземой, пытается объяснить брату реальность: он, Кирилл, уже давно вырос, выучился, руководит бизнесом – «Монблан», наша фирма, ну неужели ты и на самом деле ничего не помнишь? – но с ним случилась беда. Этим летом Кирилл поехал в отпуск на Гоа и подхватил там какую-то неизвестную заразу, свалившую его на больничную койку и лишившую памяти.

Кирилл немного поистерил, узнав о смерти отца, но в целом мужественно принял ситуацию такой, какая она есть. Вот только окончательно замкнулся, не желая общаться.

Аристарху оставалось только надеяться, что память к брату рано или поздно, но все же вернется. Хотелось бы, конечно, чтобы вернулась только бизнес-память, а все остальное осталось там, где оно сейчас.

Хорошо хоть, почерк и подпись у Кирилла остались прежними, и возможность пользоваться общим счетом у Аристарха сохранилась.

В общем, своей основной цели старший из братьев Витке добился – в связи с внезапной болезнью президента фирмы он занял его место. Вот только с акциями брата и еще какими-то важными бумагами Арику обломилось. Насколько Кирилл понял, преданная Иветта Николаевна, заподозрив неладное в слишком уж неожиданной болезни и исчезновении босса, куда-то скрылась вместе со всеми бумагами, к которым имела доступ. Официального расследования бегства секретарши Аристарх проводить не стал, не желая привлекать внимания соответствующих органов к ситуации внутри фирмы, но землю носом рыл, пытаясь найти «эту сучку». Разумеется, рыли чужие рыла, свое личное рыло свежее испеченный (правда, с одного бока пригорел, но этого не видно, если правильно сесть) президент «Монблана» берег.

А пока к Кириллу не вернулась память, советником Аристарха Витке стал его шурин (или деверь – вечно путаю эту родственную топонимику), брат жены, короче. Виктор Борисович Скипин.

Да, мадмуазель Скипина все же стала мадам Витке. Как уж они там договорились, Кирилл не знал. Ему, если честно, это было совершенно безразлично.

Теперь он хотел лишь одного – как можно быстрее вернуть себе силы, снова стать здоровым. И хотя Каплан, беседуя с Аристархом, постоянно твердил о пожизненном приеме лекарств, Кирилл в это не верил.

Ну с какого такого перепугу он, живущий в начале двадцать первого века, должен сидеть на полуподпольном препарате? И это сейчас, когда медицина развивается даже не семи, а десятичными шагами!

Поэтому главное теперь – окрепнуть настолько, чтобы продержаться без лекарств хоть какое-то время. Разыскать Иветту Николаевну (а Кирилл догадывался, где скрывается его помощница), вернуть себе права и власть и заняться серьезной реабилитацией в какой-нибудь солидной европейской или американской клинике. Попутно отправив родственничков в северные широты, валить лес и шить телогрейки, раздав всем сестрам по серьгам, вернее, по браслетам.

А пока следовало продолжать игру, оставаясь для окружающих умственно неполноценным, но тихим и покладистым Кириллом, безропотно подписывающим любые бумаги. Правда, на некоторые в силу своей физической немощи опрокидывает еду или рвет случайно. А то,

что именно испорченные бумаги сделали бы младшего из братьев абсолютно бесправным и нищим – просто совпадение.

Во всяком случае, пока никто ничего не заподозрил.

За два месяца нахождения Кирилла в закрытом медицинском центре и персонал, и охранники, и пациентки (там ведь лечились в основном женщины) привыкли к тихому, молчаливому и замкнутому мужчине, пугливо вздрагивавшему и вжимавшему голову в плечи, когда к нему кто-либо обращался. Медленно, с трудом передвигая ноги, он гулял по территории клиники, стараясь держаться в отдалении от других. И дамы, особенно выздоравливающие, огорченно вздыхали – ну надо же, в кои-то веки бесхозный красавчик попался, но увы – вялый безучастный биоробот, а не мужик!

Да, следует отдать господину Каплану должное (и вовсе не триста рублей, позаимствованных до зарплаты), врачом он оказался превосходным. Вениамин Израилевич не только почти справился с последствиями Манюниной мести, но и вернул Кириллу утраченный, казалось навсегда, человеческий облик. Остались, правда, кое-где оспины и шрамы, но с этим легко справятся в хорошей косметологической клинике.

В общем, перспективы, по цвету, консистенции и запаху напоминавшие сначала содержимое привокзального сортира, теперь выглядели и пахли вполне сносно.

До тех пор, пока в гости не заглянула Маня.

Глава 9

Не появлявшаяся здесь ни разу после того посещения. Выполняла, наверное, требования будущего мужа, стараясь уладить конфликт с минимальными для себя потерями.

Да и зачем, собственно, ей было появляться? Она ведь и так едва не загнала обидчика в могилу, заставила его страдать, изуродовала до неузнаваемости – отомстила, в общем, по полной программе. А потом была занята подготовкой к свадьбе.

Кирилл не сомневался, что количество пафоса в вожаемом для Мани торжестве превысило предельно допустимую концентрацию как минимум в десять раз.

И он не ошибся. Когда Аристарх принес брату свадебные фотографии, Кирилл едва не потерял маску лишенного эмоций биоробота с минимальным объемом памяти, с трудом удержавшись от хохота, временами переходящего в ржание.

Очень уж нелепо выглядела молодуха.

Никакие деньги не помогут при тотальном отсутствии вкуса и гипертрофированном самомнении. Маня явно отказалась от услуг профессиональных стилистов и занялась своим обликом сама. И вовсе не из желания сэкономить, просто эти кретины осмелились спорить с НЕЙ, нагло критикуя пожелания невесты!

А в результате все недостатки внешности и фигуры, которые можно было скрыть умело подобранными платьем и макияжем, были не просто выставлены на всеобщее обозрение, но и старательно сакцентированы.

В общем, рядом с элегантным Аристархом Витке на фотографиях громоздился тролль в облаке рюшечек, оборочек и кружавчиков. Само собой, тролль (или троллиха – как правильно назвать самок этих существ?) был увешан гроздьями бриллиантов, которые именно из-за их несуразно большого количества выглядели простыми стекляшками.

Свадьбу отмечали в одном из самых дорогих ресторанов Москвы, народу собралось немало, но действо, судя по фотографиям, больше всего напоминало купеческую свадьбу с морем водки, жрачки и непременно мордобитием. А выражение лица Аристарха все больше напоминало физиономию обладателя гигантской, болезненной, мешающей сидеть геморроидальной шишки.

Коим он, собственно, и стал.

И вот эта геморроидальная шишка решила вместе с мужем навестить своего нового родственника.

К этому времени Кирилла давно уже перевели из тщательно охраняемого реанимационного блока в один из коттеджей, расположенных на территории клиники.

Сама же клиника, вернее, медико-реабилитационный центр, находился где-то в Подмосковье, спрятавшись в густом лесу. Где точно, Кирилл не знал, но вряд ли далеко от столицы.

Довольно обширная территория была обнесена высоким и неприступным для любопытствующих забором. Количество охраны не оставляло излишне любопытствующим ни единого шанса. Кириллу казалось, что соотношение пациент-охранник было здесь как минимум один к двум.

В противоположной от ворот стороне участка расположился двухэтажный П-образный медицинский корпус, в котором выхаживали особо тяжелых и долечивали выздоравливающих.

А сами выздоравливающие жили в небольших уютных коттеджах, рассредоточенных на территории в шахматном порядке. В каждом доме было по две спальни, гостиная и кухня.

Кирилл жил в коттедже один, поскольку, кроме него, пациентов мужского пола больше не было. Хотя многие пациентки хотели бы стать его соседками.

Дамы, конечно, предпринимали партизанские вылазки к дому красавчика, но увы – никому попасть внутрь не удалось. Дверь им не открывали.

«Импотент!» – дружно решили дамы и оставили Кирилла в покое.

К немалому его облегчению. Какой, к черту, секс, когда любое движение причиняет боль! В общем, существование стало относительно приемлемым.

Пока одним совсем не добрым утром не раздался стук в дверь, а потом нарочито оживленный голос Аристарха сообщил «радостную» весть:

– Кирюха, это мы! Решили навестить тебя всем семейством!

– В заднице слона твоему семейству самое место, – проворчал Кирилл, только что вышедший из душа.

Он набросил на мокрое тело халат, на лицо – маску робота, зачесал пальцами назад отросшие волосы и пошел открывать.

Неизвестно, кого именно ожидала увидеть Манюня, скорее всего, изможденную бледную немочь с покрытой рубцами и шрамами кожей и поредевшими волосенками.

Но никак не прежнего Кирилла в облепившем влажное тело махровом халате и с шикарнейшей гривой черных волос, от которых отделилась непокорная прядь и соблазнительным завитком повисла над бровью.

А небольшие оспины и шрамы эту смазливую сволочь совсем не портили!

Конечно, искажившую Манину мордень гримасу можно было назвать приветливой улыбкой, но с о-о-очень большим натягом! Таким большим, что и лопнуть мог.

Кирилл в очередной раз мысленно пообещал себе наградной пирожок за выдержку. Хорошо, что он тренировал не только силу тела, но и силу воли, без которой физическая составляющая совершенно бесполезна.

Может, переквалифицироваться потом из бизнесменов в актеры? Двинуть напрямик в Голливуд и потеснить там своего соотечественника, новую восходящую звезду и секс-символа Яромира Красича? Надо подумать.

А пока Кирилл взглядом, позаимствованным им у сельди пряного посла, осмотрел посетителей и, посторонившись, кивнул:

– Привет, Арик. Проходи.

– А со мной почему не здороваешься, родственничек? – прошипела Маня, даже не пытаясь добавить в голос глазную пипетку радости.

– Извините, но я вас не знаю, – равнодушно ответил Кирилл, запирая за гостями дверь. – Арик, кто это?

– Ну как же, Кирюха, – криво улыбнулся тот, усаживаясь на диван рядом с бледной от злости супругой, – я ведь тебе недавно показывал свадебные фотографии. Это Мария, Маша, моя жена.

– Да? Не узнал, на снимках она выглядела по-другому. Извините, Маша, очень рад знакомству, – монотонно проговорил Кирилл, сел в кресло напротив и, не удержавшись от провокации, заложил ногу за ногу, отчего халат почти перестал скрывать то, что должен был.

Маня трудно слотнула, словно в горле застряло сваренное вкрутую яйцо, а Аристарх нахмурился и недовольно заметил:

– Кирилл, ты не мог бы пойти и одеться? Здесь все-таки дама, неприлично сидеть почти голым.

– А я разве голый? – недоуменно приподнял брови тот. – Я же халат надел.

– Пожалуйста, иди и оденься. А Маша нам пока кофе сварит. – Почему-то вид резиновой улыбки Арика, обнажающей стиснутые зубы, вытащил из закоулков памяти фразу «пальцем деланная».

С чего вдруг? Ведь если и был тут кто, созданный подобным образом, то разве что Маня.

– Хорошо, – послушно кивнул Кирилл и неторопливо направился в спальню переодеваться, спиной ощущая нарастающее напряжение.

Которое, стоило временному хозяину дома скрыться за дверью, мгновенно взорвалось раздраженным шепотом:

– Слюни подбери, дрянь похотливая! Даже не пытаешься ничего скрыть, не будь меня – потащила бы беднягу в койку!

– Беднягу? Ни... себе бедняга! Да этот бедняга здоров как бык! Каплан, похоже, перестался с лечением, старый козел! Еще месяц-другой – и твой братец вернется к работе, вышвырнув тебя вон!

– Ты что, забыла? Он же не помнит ничего. Хотя я был бы не против, вернись Кирилл к работе. Без него тяжело приходится.

– Уси-пуси, тяжело! А мой брат на что? По-моему, Виктор неплохо справляется.

– Неплохо для себя. Все больше втягивает «Монблан» в сомнительные сделки. Что же касается Кирилла – он и на самом деле бедняга. Внешне – да, Вениамин Израилевич просто молодец, вернул парню человеческий облик, но внутри Кирюха совсем гнилой! Ты видела, как он ходит?

– Нормально ходит, не спеша, как и положено президенту солидной фирмы.

– Дура ты! Да он просто еле ноги таскает! Из-за твоей выходки он теперь постоянно под угрозой возврата онкологии находится. И спасибо Каплану, что помогает Кирюхе жить.

– Ты еще слезу урони! Да если бы не кретинская ситуация со счетом, нужен бы тебе был братец, аж два раза! Давно б уже схоронили «заразившегося на Гоа смертельной инфекцией», а так – возись с ним!

– Заткнись!

– Сам заткнись! Я вообще не понимаю, что ты возишься? Давно бы уже перекачал все деньги с общего счета на свой личный, придурок ведь все подпишет.

– Нельзя.

– Но почему? Ты постоянно твердишь это идиотское «нельзя», но ни разу толком ничего не объяснил.

– А сейчас, по-твоему, самое подходящее время и место для объяснения, да? Кирилл в любой момент вернется. Иди лучше на кухню, кофе приготовь. И прекрати, наконец, пялиться на моего брата! Он вряд ли сможет удовлетворить твои потребности, дорогуша. Инвалид, увы, причем во всех отношениях.

Кирилл горько усмехнулся, расслышав нотки – да не нотки, симфонию! – злорадства в голосе брата. Он, конечно, не питал теперь особых иллюзий в отношении Аристарха, но крохотную надежду все же подпитывал. Оказалось, совершенно напрасно.

Ладно, хватит торчать под дверью, надо пойти и в темпе переодеться.

Именно в темпе, потому что на самом деле благодаря упорным тренировкам двигался Кирилл уже совсем неплохо.

Боль? А что боль – человек ко всему привыкает, в том числе и к боли.

Глава 10

Кофе, приготовленный Маняшей, Кирилл пить не стал, сославшись на головную боль. Будь напиток налит в общий кофейник, он бы, возможно, из любопытства прикоснулся к кулинарному мастерству родственницы. Но, поскольку мадам Витке принесла порционные чашечки, вероятность того, что она плюнула в кофе Кирилла, с энтузиазмом строителя коммунизма стремилась к ста процентам.

Поскольку желание общаться с братом и его молодухой по-прежнему сидело в самом дальнем углу, рисуя на слое пыли похабные картинки с вышеперечисленной родней в главных ролях, изображать лишенного эмоций чурбана было очень просто.

Односложные ответы, безразличное выражение лица, удачно опрокинутая «невзначай» чашечка кофе, превратившая эксклюзивный сарафанчик Мани в тряпку. Впрочем, дабы не погрешить против истины, следует отметить, что сарафан стал похож на грязную тряпку, поскольку просто тряпкой он смотрелся изначально.

В общем, посетители убралась довольно быстро, обошлось без трогательного прощания. Если у мадам Витке и было желание потрогать Кирилла, то после шалости с кофе оно, желание, пулей вылетело в кладовку, дверь которой заперли с помощью незатейливого мата.

Но, учитывая тягу Машеньки к неуловимому красавчику, долго сидеть в кладовке желанию не пришлось. Его выволокли оттуда через три дня, когда Аристарх уехал по делам бизнеса в Данию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.